

„Егор Булычов и другие“

Еще до того, как Югославский драматический театр должен был прехатать на гастроли в г. Горький, горьковчане уже многое знали об этом театре, читали, слышали хорошие, добрые отзывы о его выступлениях в Москве. Поэтому, естественно тот интерес, с которым мы ожидали первой встречи с югославскими артистами, шлн в день открытия гастролей в театр, смотрели спектакль. Интерес был тем большим, что свои гастроли на родине Алексей Максимовича Горького Югославский драматический театр открыл показом одного из лучших драматических произведений великого писателя — его пьесы «Егор Булычов и другие», столь любимой многими зрителями.

Наши большие надежды оказались оправданными с лихвой. Мы увидели многих превосходных мастеров сценического искусства, тонкую, вдумчивую работу режиссуры, смотрели спектакль яркий и значительный.

Трудно, непривычно, конечно, смотреть, слушать даже хорошо известную пьесу, когда она исполняется на другом языке.

Да, улавливаешь в речах действующих лиц звучащие почти по-русски отдельные слова, иногда целые фразы, но многое падо все же как бы «переводкой», вспоминая знакомый текст горьковской пьесы.

Но вот тут-то и вступило в силу, порадовавшее всех собравшихся в зале, высокое мастерство исполнителей, яркое и точное их искусство. И живой контакт между площадкой сцены и зрительным залом, установленный с первого же явления—

выхода Шуры, которым начинается «Егор Булычов и другие», та бурная, верная реакция зрителей на все происходящее, те аплодисменты, что возникали не раз в зале по ходу действия, были свидетельством того, что горьковская пьеса, звучащая на сербском языке, оказалась отлично «переведенной» режиссером и исполнителями на понятный каждому зрителю живой сценический язык, на язык искусства, захватывающего, волнующего своей эмоциональностью.

Выступая перед началом спектакля, директор театра Велибор Глигорич в своей речи хорошо сказал, что с большой любовью и большим уважением к жизни и творчеству А. М. Горького театр работал над его пьесой «Егор Булычов и другие». И эту любовь и уважение Югославского театра к Горькому нельзя было не почувствовать в спектакле.

В нем есть творческая увлеченность жизнью горьковских героев, есть любовное, бережное отношение к сочному и мудрому горьковскому слову и во многом верное раскрытие идейно-художественного содержания произведения Горького. В сценической режиссерской интерпретации пьес Горького постановщик спектакля режиссер Мата Милошевич шел от такого, нам кажется, единственно верного истолкования драматургического материала пьесы, при котором все развитие действия спектакля направлено к выявлению и утверждению высказываемой в финале пьесы Булычовым горьковской мысли: «И погибнет царство, где смрад!» Весь строй художественного сцениче-

ского решения спектакля подчинен режиссером идейной задаче острого, гневного обличения собственнического мира.

Уже с первого действия на сцене ощутимо возникает гнетущая атмосфера быта булычовского дома, очень тонко и правдиво передаваемое исполнителями нарастающее той неприязни, враждебности в отношениях друг с другом, то тревожное беспокойство—«как бы не упустить момента»,—которым охвачены здесь и чета Звоицовых и лонкий делец Василий Достигаев, игуменья Меланья и Ксения Булычова с приказчиком Мокеем Башкиным. И понятным, и оправданным здесь становится проявление дерзкого, озорного характера дочери Булычова—Шуры, её нетерпеливое искание какой-то иной, большой правды жизни—то у отца, то у Доната и Лаптева.

Своеобразие яркого живого характера Шуры с огромным артистическим темпераментом воплощает в этой роли актриса Дубравка Перич. Выразительно, восхитая нас мастерством лепки сложного и трудного характера, тонкостью психологической нюанспировки образа, раскрывает драму сильного и умного Егора Булычова, талантливо исполняющий роль его Миливоје Живанович.

В своей трактовке, понимании образа Булычова Миливоје Живанович, на первый взгляд, как-бы отходит несколько от привычной для нас по другим постановкам этой пьесы сценической характеристики образа. Булычову Живановича, может быть, не хватает размахистости, широты на-

туры бунтаря, озорно ниспровергающего все то, чем он сам еще недавно жил, что считал несбылем законом своего существования. На первый план в образе Булычова артист выдвигает болезнь, страдания Булычова, горечь осознания сильным еще по духу и умным, проникательным человеком своего бессилия внести что-то изменяющее его жизнь, перейти жить «на другую улицу».

Но и такая трактовка образа Булычова Миливоје Живановичем ценна и интересна тем, что она не вступает в принципиальные противоречия с правдой этого характера. Булычов Живановича это горьковский, яркий образ прежде всего, и дан он артистом убедительно и сильно по рисунку и содержанию. Хорошее профессиональное мастерство показали в спектакле многие другие исполнители основных и эпизодических ролей. Здесь хотелось бы прежде всего отметить превосходную работу Виктора Старича, играющего роль попа Павлина.

Никакой утрировки нет в исполнительской манере Старича. Его Павлин предельно естественен в своем сценическом поведении. Он сдержан, скромен, как подобает его сану, и в то же время полон непоказного достоинства, и разве только в разлете его бровей над умными, но злыми глазами как бы подчеркнуто то, что заключено и проявляется в характере Павлина, влюбом ко всему, что несет в жизнь новое.

Как бы олицетворением темных сил прошлого, жадного духа стяжательства под маской благочестивой инокини появляется на сцене черная фигура игуменьи Меланьи. В этой роли актриса Невенка Микучич доминирует большой художественной выразительности.

Очень своеобразно в спектакле этом исполняет роль Ксении Булычовой Рахела Ферари. Может быть, во внешнем облике её Ксении мы и не находим, опять-таки, каких-то знаковых черт женщины из среды русского провинциального купечества, но то, как актриса раскрывает характер Булычовой, как она передает её постоянное тревожное состояние, страх за свою судьбу, боязнь оказаться обойденной, обманутой при дележе наследства Булычова—все это вводит этот образ в существо горьковской пьесы, а мастерство исполнения заслуживает полного одобрения.

Запоминаются в спектакле Варвара Звонцова, с умом холодным и расчетливым, которую Ивица Таиховер рисует несколько гротесково, обострено, но тем не менее убедительно и интересно. Артисты Бранко Плева в роли Звонцова и Йожа Рутич в роли Василия Достигаева запоминаются надолго. Сердечность, большую любовь к Булычову, к Шуре, и сдержанную ненависть к тому, кто мешал её счастью, раскрывает в образе Глафиры Капиталина Эрич. Отлично показал себя в спектакле Иво Яшич в роли Мокея Башкина, особенно хорошо он проводит сцену с Ксенией Булычовой в первом акте.

Большое впечатление оставляет и работа Ольги Спирионович над ролью Антонины Достигаевой. И опять хочется отметить тонкую отработанность и логичность поведения персонажа, лаконическую выразительность в рисунке образа.

Следует отметить несомненные творческие успехи в работе над такими небольшими, эпизодическими ролями, как трубоч Гаврила и «благжешный» Пропотей у артистов Жарко Митровича и Милана Айвазо, и интересную работу над маленькими ролями артистов Марьяно Ловрича (Тятин) и Зорана Ристановича (Яков Лаптев), открывших какие-то новые черты в своих героях. Должно бы

сказать и о других исполнителях и о художнике Миленко Шербан, давшем интересное оформление спектакля. Но короткие характеристики не могут выразить полного впечатления от большого, содержательного горьковского спектакля, в котором так хорошо проявились черты яркой творческой индивидуальности мастеров Югославского театра.

В спектакле по-настоящему увлекает и впечатляет слаженность всей работы исполнителей, решающих сложную творческую задачу, необходимость, свобода сценического поведения, жизненная естественность, правдивость и в то же время подлинная театральность отлично разработанных мизансцен (разговор Булычова с Павлином—1-й акт, монолог Антонины — 2-й акт, финалы актов и др.).

Как выразительно, например, сделан один из уходов Антонины Достигаевой в 3-м акте. Одетая в черное платье, она идет в глубину сцены, погруженную в полную темноту. И вот фигура Антонины исчезает в ней, её уже не видно, и только чуть тлеющий огонек сигареты движется в темноте. Тонкая деталь в характеристике образа! А финал спектакля, когда падает и гаснет свеча, уроненная умирающим Булычовым, и во мрак комнаты с улицы, где идет революционная демонстрация, вливаются потоки теплого красноватого света, озаряющего Шуру, устремленную к чему-то новому, открывающемуся перед ней. Большое удовольствие, подлинное наслаждение испытываешь на спектакле Югославского драматического театра, и те горячие, бурные аплодисменты, которыми зрители наградили талантливых мастеров этого театра, были выражением искренней благодарности зрителей за высокое искусство, с которым театр познакомил нас. А. ЕЛИСЕЕВ.

5 ИЮН 1956 г. Горький